
Трудности, радости, ленты-дороги –
то на работу, то – на край света.
Не успеваю подумать о многом,
но успеваю прочувствовать это.

Лето сменяет звенящая стужа:
кто-то становятся ближе, чем близкий.
Не успеваю понять, что мне нужно,
но успеваю обжечься об искры.
Столько не сделано – чаша без края!..

Что мне поделать с собою, ведь я же
снова от дел отрекусь, собирая
солнечный луч золотистой пряжей.

Такие осадки сойдут за осадку:
из дома – никто, и домой к нам – никто.

А дождь барабанит по стеклам как надо,
до жути пугая домашних котом.

Гроза разрывает тяжелое небо –
ей молнии в радость горстями метать.
Потоки воды – хоть забрасывай невод
и, может быть, даже поймаешь кита.

Еще не сентябрь, не расплата за кражу
земного тепла из небесной казны.
Мне город кивает рекламной растяжкой –
еще отогреемся после грозы.

ПИСЬМА ИЗ ОМСКА...

... в Австралию

И как там оно – на том континенте?
Какое небо? Какие доли?
Мы связаны лишь новостною лентой,
а значит – слабо и ненадолго.

А здесь всё по-прежнему: ветер, ветер...
Иртыш весною перенаполнен.
И тянется город в слепящем свете,
как кот спросонья, как в полдень – поле.
Весенними красками город брызжет...

Мой глобус нынче – садист садистом:
мол, знаешь, Австралия в целом ближе,
чем тот, кому сочиняешь письма.

... в Киев

Дружили крепко почти всю школу:
на переменах носиться – вместе,
учиться – вместе и вместе – шkodить.
Меня дразнили твоей невестой.

Весь город нашим был полигоном,
Советский парк был для встречи местом.
И в «Детский мир» перед Новым годом –
шары рассматривать – тоже вместе.

Но ты уехал. Теперь тебе я –
обидчик, враг и москалька – в сумме.
А город твой новый рвёт, зверея,
как ты, все связи в своём безумье.
Пишу в последний – отдам дань драме.
Да и зачем, если всё по кругу?..

Наш город тихо вздохнёт ветрами:
не только я потеряла друга.

Алое солнце на сером небе...
Вроде бы лето, а бьёт озноб.
Как же принять, что со мною и с ней был,
что выбираешь из двух зазноб?

Выбрал другую? Из рук я – птицей.
Мягкие крылья – впервой ли мне?
Что же ты медлишь со мной проститься?
Что же сжимаешь ещё сильней?

Что же ты тянешь? Куда мне деться?
Хочешь, сама я курок – на взвод?..

Алое солнце упало сердцем,
так и не выкрасив небосвод.

Лук со стрелами — за плечами:
слишком взрослая для обид.
Я — охотница за печалью,
Артемида из Артемид.

Распалённость ночной погоней
и подраненная печаль.
А заменит луна огонь — и
много ль надо, чтоб одичать?

Выстрел! Рыкая ли, крича ли,
я ликую!..

Рассвет, роса.

Я — охотница за печалью,
не скудеют мои леса.

День исправно приносит с собой
беды-радости, хочешь — не хочешь.
Пусть я жаворонок, но совой
оживляюсь в предчувствии ночи.
Хлынет ночь — время снов, время слов!
Хлынет ночь — и весь мир раскачает!

Но оставит мне лишь ремесло
снов и слов, красоты и печали.

Транспорт общественный, выстывший за ночь,
зимнему солнцу подставил бока.
Листья, забытые за зиму напрочь,
спят в серых почках-клубочках пока.

Солнечный свет с выси льется отвесно,
ряби отгадка проста и легка:
ходит по небу троллейбус небесный,
мягко покачивая облака.

Он перевозит дожди, снега-вьюги,
сны и в пути заблудившихся птиц.
Запахи лета привозит он с юга,
с севера – холод, тревоги – с границ.
Ночью – всё дремлет под звёздною бездной,
хрупок как снег и как сон невесом...

Знаешь, по слухам, троллейбус небесный
скоро поедет за новой весной.

Мы болтаем, смеёмся и спорим о «плюсах» и «птичках»,
обсуждаем с тобою вопросы любви и искусства.
И ты видишь меня глубоко психотерапевтической.
И не видишь, что в доме моём обжигающе пусто.

Изучаешь поэзию, путь поэтический выбрав,
и меня изучаешь, как дети – учителя в школе.
И ты слышишь, чем связаны строки изящных верлибров.
И не слышишь, что я иногда замолкаю от боли.

Как легко путешествовать вместе с крылатым Пегасом:
рифмы с ритмом почти подчинились и образность – вскоре.
И ты знаешь, что мир справедлив и безмерно прекрасен.
И не знаешь, что дружишь с принёсшей мне первое горе.